

Эмигрантское

Париж в ночи мне чужд и жалок...

М.И. Цветаева

Давай зайдём с тобой на улицу Дарю,
Как в бухту корабли, пережидая шторм.
Париж в ночи мне чужд. И жалок тёплый брют.
Бульвары и кафе—ужасное ничто.

России больше нет—у трона вор и хам,
Кто не лизал сапог—отправлены за борт.
Нас бросила волна к французским берегам,
Нас вынесла молва, как подковёрный сор.

Как жаль, что не избыть себя из той избы,
Где мы давно, как дым, чернеем над свечой.
Как жаль, что не принять, как жаль, что не забыть...
Как жаль, что человек, как жаль, что ни при чём.

● ● ●
Когда казалось время тягучим леденцом,
Так верилось, что сделаюсь богатым!
Крутилось барабаном Садовое кольцо,
А сектор «Приз» маячил у Арбата.

Прошли года, не нажил ни белку, ни свисток,
И к возрасту Христа—огарок свечки...
Купил билет на поезд Москва—Владивосток,
Понять, что значит слово «бесконечность»!

Воочию увидеть места, где деньгопад
Обычен, как осадки в Черапунджи!
О стройки века! Схема «проект-распил-откат»—
Дороже самой крупной из жемчужин!

Я обошёл спокойно свой жизненный тупик,
Присвоив номер банковскому счёту.
А дальше нужно было неистово копить,
Достичь покоя, счастья и почёта.

На улице тишайшей Матросской Тишины
Безветрие, и в камере угрюмо.
А в памяти, как эхо, звучат слова жены:
«Не в деньгах счастье... Не о том ты думал...»

И можно жить

Усталый, нервный, хворый, пожилой
И злой от одиночества мужчина
Проснулся... Слава Богу, что живой.
Как дети? В мире что-нибудь случилось?

Под дверью гадит враг—соседский кот,
На кухне препираются хабалки,
За стенкой—пьют, а в целом—без хлопот,
И можно жить в обрыдлой коммуналке.

Готовить то глазунью, то омлет,
Жевать, бездумно пялясь в телевизор,
Хранить тепло, укутываясь в плед,
Пить чай и знать, что вечный холод близок.

Под панцирной кроватью—чемодан
Из фибры, в паутинке мелких трещин.
Хранитель документов, мест и дат,
Медалей и монет людей ушедших.

День тёмный, а поэтому старик
Достанет банк своих воспоминаний
В отчаянной надежде подарить
Себе себя. В утробе чемоданьей

Перебирая разномастный скарб
И глядя в чёрно-белые портреты,
Услышит ветер, бляенье отар,
Почувствует тепло и радость лета.

Коричневая фибра оживёт,
Как на экране, замелькает детство:
Пригорок, речка, травы, стук ворот
Заброшенного дома по соседству.

В тандыре мама сделала обед—
Густой и белый дым в прозрачном небе...
...Разулыбался вечно хмурый дед,
Томится, старый, в чемоданной неге.

Под дверью всё шуршит соседский кот,
За стенкой мужа бьёт тяжёлой скалкой
Крикунья с кухни. А старик нальёт—
И можно жить в обрыдлой коммуналке.

Наша дорога

В путь призвала колокольчиком Родина-мать,
Вёл от ворот одурманивший Родину отчим.
Верить спокойней, но время пришло—понимать:
Наша дорога—по хляби да рытвинам-кочкам.

Стройно шагали, месили тяжёлую грязь,
Брызги и брань долетали до белого неба.
Голоду-дядьке в хлебало плевали, смеяся,
Он утирался и складывал трупики в невод.

Пыл поутих, осмотрелись, и кто-то сказал:
«Братья и сёстры, для нас нет печальней известий:
Синее небо чернеет, и будет гроза,
Мы же, наверное, просто топтались на месте!

Верить спокойней, но время пришло—понимать:
Наша дорога—по хляби да рытвинам-кочкам!
В путь призвала колокольчиком Родина-мать,
Вёл от ворот одурманивший Родину отчим!

Братья и сёстры! Обычный народ и князья!
Бросили нас, позабыли! Мы—лишние в буре!!!
Синее небо—чернеет, и медлить нельзя:
Красный закат предвещает кровавое буйство!»

Люди молчали. Давили на лицах угри...
«Родина—мать! А ты—точно не новый мессия!»
Быстро убили смутьяна и сели курить.
И дожидаться, когда их накроет стихия.

Вербное

Я пробудился. Был, как осень, тёмен...

Б. Л. Пастернак

Я пробудился. Был, как осень, тёмен
Тягучий сон.
Метался по кровати в полудрёме,
Искал Сион.

Сквозняк вернул убогую реальность—
Скрипела дверь.
Вот воскресенье: на обоях пальмы
Да ветви верб.

Сандалиями шаркал в коридоре
Среди белья,
Туда, где запах сигарет и хлора,
Медь и фаянс.

Там, окропив лицо водой с-под крана,
Припомнил сон:
Искал ворота и кричал: «Осанна!»—
Тому, с ослом.

Я—сопричастный, следствие, причина!
Свинья—не съест!
Пост медсестры—Великий пост отныне,
В нём жизнь и крест.

Пасха

Белы ризы расшитые.
И надеждой на лучшее
По асфальту разбитому
Растекаются лучики.

И надеждой на лучшее—
Звон «во вся» с колоколенки!
Как эфиры летучие,
Мимо шмыгают школьники.

По асфальту разбитому,
По весенним проталинам,
От халуп до элитного,
От холопа до барина

Растекаются лучики
Воскресенья Христова, и
Тропарями певучими
Вторит Русь бирюзовая.

Философия движенья

Проезжая город Чехов,
Вижу дачников и виллы:
Вишни нет, кирпич и мрамор
(Тут Лопахин не соврал).
Но не я, казалось, ехал,
А деревня—вниз скатилась,
Как орущий глупый мамонт,
Провалилась гнить в овраг.

Что там слава Мачу-Пикчу...
Вдоль шоссе, наверно, тоже
Инки в древности селились
И пахали—будь здоров:
Ржавый «Беларусь» в масличных,
Будто после злой бомбёжки
Склад и сгнившие стропила
Покосившихся домов.

В горизонт идут дороги
Черноземья, и Россия
Среднерусскою равниной
Красит полотно стекла.
Над берёзками—сороки
Или вороны... Как символ
Скоротечности—калина
Красной кровью налилась.

Философия движенья,
Тихих и несвязных мыслей
Век наш делает короче,
Перемальвая нудь.
Вот и город. Машет жезлом
Пыльный и уставший мытарь.
Хочешь ехать, но не хочешь
Приезжать куда-нибудь.

Безвременье

Маленький принц, но не Гамлет... Гвидон?
Орешки у белки, а фраеру—
Жалкая жизнь и уродливый дом,
Напоминающий камеру.

В сумерках люстра—живой осьминог:
Лениво шевелятся щупальца.
Лампы погасли. Разлилось вино.
В тапках намокло и хлюпало.

Страшно не сделать, и страшно посметь—
Вцепилось и держит безвременье.
Вряд ли отметят ещё одну смерть
В списках пропавшего племени.

Предзимье безжалостной памяти.
Тропинки петляют без логики...
Истлели пробитые панцири
И—павшие первыми—лошади.

Бездарно, безрадостно прожито,
Прикрыто потрёпанным зонтиком,
Трясётся озябшее прошлое,
Считая бездействие—золотом.

Отчаянный, близкий к безумию,
Плетусь на всенощную службу, как
Домашняя псина беззубая,
Что может лишь слушать и слушаться.

Под сводами—фрески размазаны...
Ворота небесные пробую
Открыть, но чудовищной массой
Вниз тянет убогое прошлое—

В предзимье безжалостной памяти.

Что-то главное

Небо брызгало холодным дождём,
Был рассвет, как лисий мех, чёрно-бур.
Ожидаемо тяжёлый подъём—
Хмурил брови-облака Петербург.

Ожидаемо тяжёлая жизнь—
Камень улицы, колодец двора...
Что-то главное не смог завершить:
Ярко вспыхнув, стал коптить, догорать.

Что-то главное... Зевнул и забыл.
Шаг в толпу, и—закрутил колесо.
Шаг в толпе, и, перетёртого в пыль,
Ветер северный разнёс над косой.

Только луна

Тундра. Растительность низкая.
Лета короткого нудь.
Небо тяжёлое, свислое—
Можно потрогать луну:

Мёдом и маслом намарана
Общевселенская злость.
Смотрит в тревожное марево
Редкий в безлесице лось.

Ярко! Безрадостно... Матово...
Жёлто-кровавая муть
Льётся в глазища сохатого,
Не позволяя уснуть.

Сутки разрублены, смешаны—
Только луна, солнца нет...
Брызнуло время черешнево
И окропило рассвет.